

18+

АНДРЕЙ ВОРОТНИКОВ

**БЛИЗНЕЦЫ И
ЛУХАНЕРА**

Андрей Воротников
Близнецы и Луханера

«Издательские решения»

Воротников А.

Близнецы и Луханера / А. Воротников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504616-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В посёлке на белорусско-украинской границе известный литератор разыскивает легендарного партизанского лидера. Становится понятно, что и повстанцы, и агенты службы безопасности, и местные жители одновременно являются другими людьми, а сам литератор оказывается не только разведчиком неизвестной спецслужбы. В ходе поисков герой встречает анархистов-герильерос под предводительством Карлоса «Шакала», знакомится с диссидентом Учителем, попадает в застенки контрразведки. Любовью его тоже накрывает. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-504616-1

© Воротников А.
© Издательские решения

Содержание

БЛИЗНЕЦЫ И ЛУХАНЕРА	6
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Близнецы и Луханера

Андрей Воротников

© Андрей Воротников, 2021

ISBN 978-5-0050-4616-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга начала складываться очень давно, а была закончена в начале 2014-го. Работа двигалась с огромными паузами, иногда в год или в два-три года, когда я забрасывал текст и не собирался возвращаться к нему снова. Первая часть была написана в феврале и в марте в спальном районе, в квартире на седьмом этаже панельного дома, и последние поправки я вносил тоже в марте, время от времени отрываясь от компа, чтобы полюбоваться штормовой пеной у мыса Сарыч. Я писал эту историю в столицах трёх государств, в избе на краю деревни, во всяких трудноописуемых местах. Понадобилось выстроить события в правильной последовательности. Законченный текст показался излишне растянутым, поэтому сократил его примерно на две трети, пожертвовав некоторыми эпизодами. После сокращения текст стал более цельным и понятным. В самом начале пользовался пишущей машинкой, уцелевшей от деда, после сменил несколько компьютеров. Чтобы не потерять сделанное – всё мерещилось, что компьютер сломается и написанное безвозвратно пропадёт, – скачивал получившиеся куски в первые годы на дискеты, потом на диски, а ещё потом на флешку. За время работы над книгой жизнь вокруг постепенно менялась, и понадобилось вернуться к началу текста, чтобы добавить некоторые реалии, обычные теперь и редкие некоторое время назад. Сотовым телефоном, к примеру, владел не каждый, Интернет был не настолько распространён, как теперь. Некоторые выводы и мысли оказались неверными, но их я менять не стал, несмотря на происходящие в различных странах события – пусть так и останется, в память о моей политической и неполитической наивности. Умер Азамат – замечательный товарищ, сталкер и художник. Таньша, благодаря усилиям которой во многом получилась эта книга, открыла агентство по организации праздников и приключений. Как только книга была закончена, события из неё стали происходить в масштабе целых народов.

Андрей Воротников

БЛИЗНЕЦЫ И ЛУХАНЕРА

Посвящается Съюзи

*А что, в самом деле есть такой
писатель, которого тоже зовут Эрнест Хемингуэй?*

Эд Макбейн

Ах ты, бесамэ, ах, Че Гевара!..

Тимур Кибиров

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Говорят, там лето пахнет порохом и морем. Здесь по-другому – сухой травой и пылью. В тени акаций толчётся на привязи лошадь, неизвестно чья. В летний полдень развалиться с холодным пивом на центральной аллее и мечтать про путешествия на далёкие тропические острова. Чтобы красивая мулатка участвовала. Ну, и вообще, события там всякие с драками и погонями...

Визг рикошета, щепки из спинки парковой скамейки веером в стороны, прыжок назад поверх спинки и плашмя на заплёванную истоптанную землю – залечь, прижаться, слиться с ландшафтом. В этом спасение, шанс выжить, уцелеть, прожить ещё один день. Ещё день любить, дышать, мыслить, ещё день не умирать...

Гербер оценил бы прыжок назад через спинку скамейки из положения сидя в час сиесты, но Гербер мёртв, мертвее не бывает, десять кубиков метанола внутривенно ночью в душном номере районной гостиницы, шестнадцать комнат по коридору, сортир на всех постояльцев в дальнем конце, наследие самого прогрессивного социального строя; десять кубиков метанола внутривенно – это вам не буй собачий. Гербер мёртв и уже никогда ничего не оценит, не хмыкнет одобрительно, зачерпнув трубкой из кисета, такие вот пироги с котятами. Ну, ещё старинный дружок Билли Крюгер заценил бы. Билли расплылся бы в ухмылке на широкой роже и похлопал бы по плечу в знак одобрения: молоток, мол, парень, так держать, но Билли тоже мёртв, схлопотал Билли шальную пулю в песках пустыни, так и не успев, видимо, понять, откуда стреляли, может, и свои случайно приложились, поди проверь, в берберийских едренях дело происходило. Оба мертвы, отвеселились, в общем, и оценить быстроту реакции некому. Некому, и всё тут, и ничего поделаться с этим уже нельзя, разве что самому постараться прожить по возможности подольше.

За себя, и за Гербера, и за Билли, а заодно уж и за этого засранца Скотти. Да уж, никуда не денешься – и за Скотти тоже, за друга-соперника Скотти.

Чередуя по обстоятельствам и по настроению виски и героин, Скотти долго не протянул, лечился во всяких клиниках, но после всё-таки загнулся в аккурат накануне собственной славы, ерунды не дотянул. Мечтал разбогатеть, завидовал богачам – яхты всякие, шикарные шмотки, кабаки, «роллс-ройсы» с «хаммерами», собственный дворец на Лонг-Айленде. Надуеться, бывало, портером на лавочке в Центральном парке под самые гланды и давай разглагольствовать перед случайными собутыльниками, перед окрестной алкашнёй: *«Вот когда разбогате-е-ею...»*

Сам Скотти именовал своё всегдашнее состояние «душевной драмой творческой личности» и никак не иначе. И всё ждал богатства, вполне успешно спиваясь в этом своём ожидании грядущего запредельного бабла. Но – увы! – не судьба оказалась подняться на бабки, не успел друган Скотти разбогатеть, совсем пусяк не успел, так и помер бедным и непризнанным.

Скотти был лучше меня, тоньше и честнее, то есть талантливее. Скотти был наделён воображением, которого мне вечно не хватало. Сознание превосходства Скотти дико бесило, и я не без умысла подливал ему на вечеринках и потворствовал тому, чтобы подливали другие, удовлетворённо наблюдая, как друг-соперник постепенно спивается и сходит с дистанции, открывая для меня путь к небывалому успеху.

Перекатиться по окуркам и обёрткам от презервативов, одновременно хватая под мышкой рукоятку автоматического «кольта» и, не глядя и не целясь, в ответ серией – бум-бум-бум!

Дёргается, дёргается назад-вперёд кожух-затвор, выплёвывая стреляные гильзы. Мечется, мечется перед глазами нечёткий, расплывающийся в солнечных потоках силуэт

в полупрозрачном батистовом платье, мотается из стороны в сторону копна золотисто-оранжевых волос, мотается на линии огня, и пляшет, пляшет в точёных пальцах с маникюром смертоносный ствол.

Ба-бах!!

Ба-бах!!

Половины, да нет, какое половины, десятой доли секунды ему не хватило, должно было хватить, а вот не хватило, метнулся ещё раз тонкий силуэт в полуденном мареве, грохнул ещё раз воронёный пистолет в точёных пальцах с кровавым маникюром, и в самую середину лба, ровненько в то место выше бровей, где у индусов принято носить красное пятнышко, знак касты, а иные утверждают, что никакой это не знак касты, а просто так для красоты красное пятнышко на лбу краской рисуется, в это вот место посередине лба, где третий глаз по идее намечался, да так намеченным и остался, разве что у некоторых открывается, точно в середину лба твёрдым и молниеносным больно – хрясь!

Дзин-н-нь...

Это в ушах от удара. Глупо помер, неожиданно и глупо. В сияющий полдень, в мирный выходной день, посреди запахов бензина и умирающих трав, в городском парке на краю водохранилища в самую середину лба засадили пулю с пятого выстрела, в щепки измочалив первыми четырьмя спинку парковой скамейки, и вот настал последний предел жизни, финита, точка в конце строки, и солнце теперь прямо в глаза, и ничего больше нет, кроме небытия, и оттуда, из-под золотого светящегося марева обрадованно и звонко закричали:

– Я попала!.. Попала!..

Воронёный солнечный диск притух, загороженный стройным силуэтом, и на просвет стало видно, что под тонким батистом нет никакого белья, даже трусиков нет, и темнеет сквозь ткань полоска шёрстки, а также два кружочка темнеют, и он потёр лоб – больно же, блин! – и поднялся на ноги.

– Предупреждать надо...

– Всё равно я попала... – Хэдли засунула пистолет в сумочку и добавила: – А ты промазал! Промазал, Эрни, промазал! Супермен, а промазал...

– Попала, попала... – проворчал он и зло подумал: «Ну и дура!»

Собственный «кольт» он запахал назад под мышку в скользкую от пота кобуру, надетую прямо на голое тело под рубашкой. А вокруг хмелем кружило голову лето, девичья улыбка – в тёплом ветре, в ласковом касании солнечных лучей, в бликах на воде, в предчувствии дорог и приключений...

Доски оказались пригнанными неплотно, и положение пытались исправить, напихав в щели лесного мха, который теперь свисал неряшливыми лохмами, намекая на заброшенный чертог из готического фильма. Однако для заброшенного чертога здесь было чрезмерно светло: мох не особенно помогал, и, минуя его, из щелей спускались к полу солнечные плоские лучи. В солнечных лучах плавали пылинки. Поверх досок и торчащего лохмами мха на половину стены растянута побитая молью козья шкура – якобы вовсе не козья, а какой-то редкой винторогой антилопы, и якобы антилопу эту он самолично подстрелил во время одного из своих африканских сафари. На самом краю видимого пространства беззвучно метнулось прочь что-то низкорослое, тёмное, но едва взглянул в упор, тут же замерло, притворившись низенькой скамейкой.

– ...Душ подключат, так что не извольте беспокоиться. С комфортом как обещано. Уговор дороже денег... – Мануэль бухнул об пол чемодан, вытащенный из багажника такси, и удовлетворённо хмыкнул. – С кошками неувязочка получилась. – В единственном осмысленном глазу Мануэля полыхнул огонь самокритики. Глаза у Мануэля разные, левый глаз карий, влажный, чувственный, а правый мёртвый, с белым кружком вместо радужной оболочки, а лицо

овальное, мучнисто-белое, вроде как напудренное, неподвижное, без мимики, и пряди волос по бокам этого белого лица блестящие, в цвет вороньего крыла. И губы угольные... – Короче, кошек достали всего двух. – Мануэль забросил чемодан на покрытую солдатским одеялом раскладушку, раскладушка скрипнула, после чего удовлетворённо вытер ладони о рубашку и обернулся. – Начало через двадцать минут...

– Кошек? Специально притащили кошек?

Он поперхнулся сигарой, и Мануэлю пришлось постучать его по спине.

– Разумеется, Папа! Это ведь твои любимые животные... – В голосе Мануэля не промелькнуло и тени издёвки. – Только полагается не две кошки, а двенадцать. А достать удалось двух, не успели. Серьёзный просчёт...

Мануэль поднял к потолку палец и повторил ещё раз с чувством, словно бродячий проповедник, разглагольствующий о грехах перед затюканными арканзасскими фермерами:

– Серьёзный просчёт!..

Мануэль присел на корточки, в коленях у Мануэля металлически лязгнуло, и позвал неожиданно ласково: «Кис-кис-кис!...»

И точно, появилась кошка.

Пока одна.

Чёрная, с белой грудкой.

Кошка вышла из сумрака, откуда-то из угла – откуда взялся сумрак в ясное утро? – глянула наглыми жёлтыми глазами вопросительно, потом потянулась и подставила спину – чесать.

– Это Катя, – Мануэль запустил в антрацитовую шёрстку отполированные ногти, и лицо Мануэля словно бы опало, с лица слетела судорога напряжённой неподвижности, и оно стало спокойным и строгим. – Знаете, от нервов помогает. Помню, в сорок третьем, в Палермо... Папа, вы бывали в Палермо?

Палермо, Палермо, Палермо... Бывал ли в Палермо? Сицилия, раскалённый пуп Средиземноморья – камни под блеклым небом, запах нагретой пыли, кипарисы на заброшенных кладбищах, заколоченные лачуги вдоль дорог, встречные крестьяне с лицами, словно дубовая кора, со взглядами, опрокинутыми внутрь черепов, кованые решётки на окнах, странное, не южное и не итальянское безлюдье улиц, витрина магазинчика, до верха заложённая мешками с песком и остов сгоревшего грузовика у кромки тротуара, беспорядочно пробитый автоматными очередями – бывал ли он в Палермо? Чёрт, бывал ли он в Палермо? Фотография в газете: восторженные горожане приветствуют вступающие в город войска. Лавочки, дантисты, спекулянты, чичероне, полицейские шпики и мелкие жулики. Суетливые смуглые мужчины в широкополых шляпах, в костюмах в талию. Мафия, разумеется, в первых рядах, – сливки общества! Прилизанные проборы, цепочки блещут поверх жилетов. Самодельные флажки со звёздами и полосами – дружба, жвачка, долой Муссолини! Дамы в восторге – ах! Возможно, всё выглядело именно так. Только не с ним.

– Нет, Мануэль, я не бывал в Палермо. Тем более в сорок третьем.

– А, ну да, конечно... В сорок третьем вы были здесь. Охотились в море за подводными лодками. Из головы вылетело...

Продолжая почёсывать загривок чёрной Кати, Мануэль огляделся по сторонам с видом человека, что-то разыскивающего. Одновременно мучнистое лицо Мануэля снова приняло непробиваемое выражение.

Катя урчала и жмурилась, а Мануэль, не поднимаясь с корточек, ощупал взглядом пространство под письменным столом – стол подтянулся и стал по стойке «смирно», под шкафом – шкаф выдохнул и втянул дверцы – и перешёл на книжные полки. Насколько можно было понять, когда Мануэль встретил его, открыв дверцу такси – ржавый «додж» с примотанной проволокой дверцей, со словом «*particular*» на номерном знаке – насколько можно было

понять, пока Мануэль тащил чемодан и рассыпался в приветствиях, Мануэль этот при доме на всех должностях, и дворник, и привратник, и сторож.

– А где вторая-то... Здесь ведь где-то, она у нас домоседка, никуда не ходит... Знаете ли, боится... Выросла в квартире, а теперь уж перевоспитывать поздно, так что здесь где-то, никуда не делась...

– В чьей квартире?

– А, там у одних... – Мануэль ткнул за плечо большим пальцем. – У врагов народа... Маня, ау-у, Манечка...

Мебель по дому самостоятельно бегают...

– Что от меня конкретно требуется? Где инструкции, какая линия поведения, кто за кого? Я ведь не успел ознакомиться толком...

Соврал: представление о положении на Острове Свободы у него имелось. И сам интересовался, и Гербер подкинул закрытого материала для ознакомления.

– Инструкции? – Мануэль пожал плечами. – Инструкции... Да не поступало никаких инструкций. Привет велели передать, вот и все инструкции... О-о! Вон же она!

Кошка Маня отыскалась на верхотуре книжной полки, под потолком. Маня оказалась светлой, кремовой, что ли правильно сказать, и в тёмных пятнах. К тому же без хвоста – вместо обычного кошачьего хвоста Маня имела куцый обрубок, пушистый, впрочем. Засела Маня на полке прочно, слезать не собиралась и только тарашила оттуда в панике голубые зенки.

В комнате едва уловимо тянуло пороховой гарью. Как будто некоторое время назад здесь стреляли. После стрельбы – в кого? – проветрили помещение, может быть даже выждали несколько дней, чтобы наверняка выветрилось, и оно в самом деле выветрилось, но чуть-чуть различимый пороховой фон остался.

Другой бы и не заметил.

Но – никаких следов перестрелки. Ни дырок по стенкам, ни замытых пятен, ни, тем более, закатившихся стреляных гильз. Пристойно и относительно чисто.

Здесь лето пахнет морем. И порохом тоже.

Толик сел в сугроб и заплакал. Вполне натуральными слезами. Честно говоря, напровожались с местными изрядно, в дорогу прямо из-за стола. «Никуда отсюда не поеду!» А три дня тому вертел носом: в какое захолустье завезли, мол. Отец – полковник, начальник полигона. Привык к порядку, а тут – какое там!.. Теперь вот в сугробе – никуда не поеду! Вольничник играл в пустом ущелье. На одну из вершин указал охранник гостиницы, но я немедленно забыл название. Задние Толика обходили, не останавливались. Автобус уже ждал, урчал мотором. Роланд, Кастен со штандартом, Ричи, Танкред, Азюка... Леди Женевьева и Фири держали подолы, тщетно пытались беречь драгоценный бархат. Поздно спохватились, раньше надо было. Следы на снегу, а в них – зелёная трава. Это в январе-то! Я нагнулся над Толиком, подал руку. Мешали рюкзак, гитара и алебарда. Сперва не желал, потом поднялся. Назад дороги двое суток. Я тоже плакал, только про себя. Выдрали с корнем лавровый куст на остановке, увезли на память. Гора Ахун и пальмы промелькнули и исчезли. Большие я туда ни разу не приехал.

– Так что мне делать?

– Что хотите, Папа, что хотите... Вы гость, вы в конце концов знаменитость, у вас заграничный паспорт. Для Острова Свободы большая честь принимать на своей территории такого человека. Делайте, что сочтёте нужным... У нас ведь демократия, не то, что у некоторых...

Вот блин, и не ухмыльнулся. Демократия у них, скажите пожалуйста!

– Для начала я бы выпил.

Фразу заготовил заранее, понимая, чего ждут от него именно в этом роде.

– Отличное решение! – обрадовался Мануэль. – Алкоголь и прочее в баре, – он кивнул в сторону прихожей, – лёд в холодильнике. С радостью смешал бы «дайкири» для вас самолично, Папа, такая честь, такая честь... Однако дела! Увы, увy... Персонала не хватает, а проблем, сами понимаете... Не обессудьте, сеньор Папа, вынужден откланяться. Кстати... – Мануэль отогнул манжету застиранной рубашки, и оказалось, что на запястье у Мануэля швейцарские часы «омега» в золотом корпусе. Если не подделка. *Какая может быть подделка!* – Кстати, до начала четыре минуты сорок пять секунд. Спешу!.. Удачного времяпрепровождения!

И ведь бегло же выговорил, не запнулся! Ай да домоуправитель!

– Что, прямо сейчас и пойдёте?..

– Не извольте беспокоиться. Вернусь, обязательно вернусь! Прежде всего – люди, как метко выражается наш великий национальный поэт Николас Гильен, ныне вынужденно пребывающий за пределами Отчизны. – *Эк Мануэль «Отчизну» пафосно выделил, сразу понятно, что с заглавной буквы! Патриот!* – Временно, разумеется, исключительно временно... Анте тодо лос омбрес, так сказать. Вы согласны, мой полковник? Не так ли?..

– Безусловно...

И улыбнуться как можно дружелюбнее, вложить чувство. Открытость и призыв к сотрудничеству, истинно по-американски. Мы, мол, на равной ноге. Дождаться ответной улыбки...

Так, есть. Зафиксировано. Формальности соблюдены.

Теперь этот тип свалит – интересно, уместно ли будет дать ему на чай? – и начнутся события. Во всяком случае, события были обещаны.

– Аста пронто, сеньор Папа!

– Аста пронто, Мануэль...

Дать Мануэлю на чай он не решился.

За стеной пробежали. Потом ещё раз, другие – с пыхтением и позвякиванием. Проехал грузовик.

– Та нэ журыся ты, Кончита! – донёсся густой юношеский баритон. – Ходыв я по кукурузу! Так у той кукурузе партизан, что блох у нашего собаки! Так и шастают, злыдни, с ружьями. А бородатые уси, а злющие, чисто ваххабиты. Или эти, як их... Гоблины! Ну, что у запрошлом годе были. Гоблинов-то помнишь, а, Кончита?

– Ить чего приплёл! – прозвучало в ответ. – Ему вже партизаны виноватые! Як робить, то зараз не понос, тай золотуха... С потаскушкой в лопухах валяться, небось, партизаны не займали! Видали вас в лопухах-то!.. Хоть бы сомбрерой от сраму прикрылись... Гультай ты бессовестный, вот ты хто, Хуан! Отыди от меня, тунеядец черномазый! К Луханере ступай, хай яна с тобою милуется! У той-то ни кола, ни двора, у побирушки бесстыжей! И ни отца, ни матери! А тут тебе квартиры отныне нету! Тут теперича ты посторонний гражданин, Хуан!

Потом стихло. Увы, безвестному брату моему...

В прихожей выбрал стакан почище остальных, порылся в бутылках на полке, отыскал среди прочего початую бутылку «Белой лошади», плеснул в стакан и добавил на две трети апельсинового сока из картонного пакета. Приспособленная под хранилище выпивки этажерка, поименованная домоуправителем Мануэлем баром, оказалась забитой образцами различного происхождения. Текила, ром четырёх марок на выбор, уже упомянутая бутылка вискаря плюс почти пустая бутылка «Столичной», а также иное. В холодильнике – лампочка внутри пристыженно тлеет, освещая толстый слой инея на морозильной камере – пакеты с соками и пластиковые бутылки с апельсиновой фантой, надколотое блюдечко со стопкой плавленых сырков и немного докторской колбасы на одноразовой пластмассовой тарелочке. Имелась также вскрытая упаковка банок «балтики», синей «девятки», несколько банок уже кем-то изъято, а в морозилке лёд в формочках, кубиками.

Лёд из формочки долго не желал выколупываться, пришлось постучать формочкой о край письменного стола, для чего вернуться в единственную комнату домика, а после собрать вывалившиеся кубики льда в ладонь. А из ладони аккуратно пересыпать в стакан. Кубики льда в ладони тут же начали таять, и несколько капель воды упало на разбросанные по столу бумаги – на какие-то рукописные черновики с множеством зачёркнутых слов, с приписками на полях. Упав, капли расплылись среди букв, перемешались с чернилами и стали пятнами Роршаха.

...Снял на лавочке на Пушкине или в саду «Эрмитаж», допустим, это где ещё театр и опера, чтобы больше-меньше не страшная была, минут тридцать побазарили, по банке пива высосали и свалили искать местечко поуединённое. Во всяком случае, чтобы менты за задницу не схватили – свой-то народ пускай присутствует. А случается, что участвует. А фигля? И вот когда подходящая точка нашлась – подъезд, допустим, с известным заранее или с подобранным кодом – камеру жвачкой залепить или пускай завидуют... Парковая скамейка из не особо приметных... Что, не найти на Страстном подъезда с известным кодом? Да сколько угодно! Вот тогда заодно с прочими чувствами приходит любопытство. Горячее, азартное, игровое... А иная – боится без резинки, говорит. Ну и дура!

Начинается с случайных декораций, когда главная проблема – чтобы не застукали, всё равно кто: предки на флейте на семейной тахте или менты в подъезде на подоконнике; и голова забита не столько этим, сколько проблемой возможного застукивания. Хорошо девчонкам: они вообще ни о чём не парятся, а уж о предках или ментах подавно. «Миленький, миленький!..» и всё такое прочее... Но ты-то не девчонка, а раз так, то за всё отвечаешь, вот и приходится держать в уме, в частности, и возможность застукивания, быть настороже и краем сознания контролировать. Нервотрёпка из-за этого контроля получается изрядная. Но это только сначала, это только пока по лавочкам и подъездам да по случайным флейтам, пока ещё не знаешь, что у вас вместе потом из этого самого фри секса выйдет. Дальше начинается самое интересное: дружба, разговоры, прогулки вечерние, за руки взявшись, кинотеатрики полупустые с последними рядами в них, где стенка позади и в затылок никто не сопит, приколы разнообразные... Конечно, не всегда. Бывает, не в кайф тёлка, и тогда адью. Но если повезёт, пробегают невидимые токи, замыкаются контакты, выбрасываются в кровь самые важные в мире гормоны, среди которых царствует тестостерон, происходят процессы. И ещё что-то начинается таинственное и самое важное... И снятая скуки ради в саду «Эрмитаж», на Страстном или на Гоголевском, а то на Трубе случайная кадрка обретает имя, и имя это не забудешь; и ты произносишь про себя имя с замиранием, с дрожью, с надеждой, с нежностью...

Имя может оказаться каким угодно.

К примеру, Стрелка, бывшая Светка!.. Сразу очевидно, что за барышня Стрелка – заводная, неунывающая и уж от чего, а от одиночества не страдающая ни в самой малой степени. С чем другим, может, и проблемы у Стрелки, зато уж с общением полный ажур, с забиванием стрелок.

А то ещё Анафема есть, Настя по-официальному. Так эта Анафема, она вообще чёрт-те что и сбоку бантик! Восторг унд праздник Анафема в чистейшем неразбавленном виде! Вслушаться только: Ана-а-афема-а-а! «Графу Льву Николаевичу Толстому – ана-а-афема-а-а!..» И колокола гулко над площадью рыночной воскресной: тили-бом-м-м-м!.. тили-бом-м-м-м!.. А после один большой, с раскатом так, с протяжным гудящим рокотом: бом-м-м! И ещё раз: бом-м-м!.. Бом-м-м-м!.. «Ана-а-афема-а!..» Архимандрит зычно под расписной сусальной вязью купол, под паруса: а-а-а!.. Старушки – свят-свят-свят! – давай креститься мелко поверх шалей стеклярусных, молю во многих местах проеденных, на соборные главы, на засиженные галками кресты под сизым небом, нечистую силу движением этим, торопливо умноженным, отгоняя. Свят-свят-свят!.. Тут и шабаш на Лысой горе с полётами, и чернокнижные всякие страсти, и сатанистская жуть, от которой кровь стынет в жилах, а зубы стук-стук-стук о край

стакана мелкой дробью рассыпчатой, и богоискательство русское горячее, острожное, раскольничье, еретическая воспалённая мысль в имени этом бьётся, истины ищет, выхода, универсума всеединого алкает, тут тебе такой букет...

Анафема, тушью угольной накрашенная, глазищи на палец чёрным обведены, лицо белилами замазано, а губы кровавым обрисованы, с потёками по подбородку. К плите могильной кладбищенской телом сладострастно прильнула, к старинной плите, каменной, с «ятями», подол задравши намеренно срамным образом, вроде как в соитие с мертвецом древним вступить желая, ласки мертвецу этому, в прах давно обратившемуся, расточать готовая. Это на одних фотках. А на других среди оградок ржавых, давно некрашенных, среди памятников запущенных и лебеды, спустив трусики кружевные, чёрные, само собой, посреди венков искусственных и оградок ржавых на крест могильный взгромоздясь, привозного лабрадора крест и хорошей, тоже старой работы, на перекладину каменную верхом пристроилась, ляжки бесстыдно демонстрируя. А сбоку бутылка винная пустая валяется. Улика как бы по неосмотрительности в кадре забытая.

А мелкая безумная Носферату с Белорусского вокзала, в которую до потери пульса влюбился побочный сын замминистра внутренних дел?.. Юноша – по уши запал, а той по приколу! – с помощью папашиных связей регулярно вытаскивал Носферату из детприёмников, куда Носферату гремела за дебоши по обкурке в общественных местах и за кражи вещей из квартир случайных знакомых...

Ночные беседы по телефону, ожидания в условленных местах – на станциях метро, возле памятников Гоголю или Пушкину... Молодцеватый Гоголь, что на Гоголевском, похож ни на какого не писателя, а на офицера, что ли... По сторонам от Гоголя чугунные фонари с забавными львами на основаниях, по три льва на каждом.

Львы возле молодцеватого Гоголя смахивают на помесь собаки с обезьяной, няня Ирриша на полном с виду серьёзе утверждала: никакие это не львы возле Гоголя, а собакообезьяны – звери такие, в Африке водятся, только очень редкие или даже совсем вымершие, как птица дронг и динозавры.

А зелёный эфиоп Пушкин хмурится сверху, пребывая в нехарактерном себе дурном расположении: уж я вас, блудодеи!..

Если холодно, стрелки забиваются в подземных переходах, возле витрин. Пока ждёшь, можно порассматривать через стекло всякие штуки: складные зонтики, флаконы, журнальные обложки, складные ножи, карманные фонарики, янтарные украшения; можно потиху курить в кулак и разглядывать прохожих, переброситься парой слов со знакомыми. Редко какая девочка не опоздает, хотя бы ненамного, и вот ждёшь, притворяешься, что просто так стоишь, и вовсе тебе по барабану – придёт или не придёт... А сам изводишься: вдруг вправду не придёт? Но нет, пришла, пришла, прилетела, запыхавшись, и сразу отлегло, сразу ушла тревога, и вот уже пошли, пошли смешки, приколы, касания кончиками пальцев и языков, шёпот, глуposti...

Любовь, наверно.

Разболтав в стакане получившееся содержимое, но пока не отхлебнув, опять миновал прихожую и толкнул дверь, ведущую на улицу. Короткая аллея, сформированная растениями в кадках, фикусами и пальмами, упиралась в незаасфальтированную улицу. Кадки с фикусами и пальмами стояли прямо на земле, по четыре штуки в ряд с каждой стороны, вперемежку.

На улице не виднелось ни души.

На противоположной стороне белела хата под соломенной крышей, вида этнографического, с палисадником перед ней. По сторонам улицы тянулись одноэтажные хибары вроде той,

из которой он только что вышел, либо же фальшивые передние стены. В смысле, что в некоторых случаях вместо настоящего строения имел место фанерный фасад-декорация с нарисованными окнами, колоннами, портиком и другими изысками, подпертый сзади, чтобы не падал, палками-упорами. Позади фальшивых фасадов скучали пустыри. В отдалении стояло одноэтажное – вроде настоящее – здание покрепче с застеклённой вывеской над входом. Под вывеской несколько парней в солдатском белье маялись, изображая общественность. Ага, местный культурный центр. Направился было в сторону строения с вывеской, однако от этнографической хаты окликнули:

– Э-у!..

Девушка оказалась светлокожей, субтильной, обвешенной фенечками и вся в веснушках. Внешностью смахивала на студентку. Вопреки ожиданию, одета Кончита была не в вышитый крестиком сарафан, как того можно было ожидать, а напротив даже – в микроскопическую синюю майку-топик и в очень короткие шорты с бахромой по нижнему краю. На майке помещалась эмблема – перекрещивающиеся серп и молот. Ниже серпа и молота надпись: «R.A.F». Анемичное послевоенное поколение, дети поражения, пороху не нюхали, а так хотелось поучаствовать, нереализованный запас героики, перепутавшие всё со всем в воспалённых никотином и князем Кропоткиным мозгах; так хотелось борьбы, самоотверженности, так хотелось страстей, конспираций, славы, так пресно показалось просто жить в чисто прибранном, бедноватом ещё по послеоккупационным временам фатерлянде, где скучный арбайтн унд арбайтн в конторе каждый день по часам, кроме выходных, и попробуй проспять с утра на работу – мигом вышибут и пособия лишат, так потянуло на беззаветность, на риск, на большое дело, на взлёт, «это сладкое слово...», такая яркая фиеста с автоматом в руках пригрезилась затурканным орднунгом немецким девочкам и мальчишкам из тоскливых бухгалтерских контор...

Ноги Кончита имела изрядно длинные, но не сказать, чтобы особо тонкие, гладкие и совсем не загорелые, и ноги эти теперь переплетались одна с другой совершенно анатомически невозможным образом.

– Э-у, Папа! – повторила Кончита и улыбнулась вполне благожелательно. – С приездом! Как дела?

Выдержал паузу и глотнул из стакана... И сразу поперхнулся. Какая, к дьяволу, «Белая лошадь»! Нацедили в импортную бутылку паршивейшего картофельного самогона и так это пошло в импортной бутылке на этажерку и поставили. Кое-как проглотив смесь нитратного самогона с пастеризованным апельсиновым соком и проморгав выступившие слёзы, он попытался сохранить на лице выражение спокойного достоинства. Так о чём это мы?.. Ах, ну да – амур, жуир, тужур...

– От... – вместо зазывно-эротических хриловатых вибраций из горла вырвался придуманный фальцет. Прокашлялся и начал снова: – Дела отлично! Просто лучше не придумаешь! Ничего умнее в голову не лезло. Ну и ладно: ни к чему не обязывающая болтовня.

Взмахнув ресницами, Кончита видом изобразила удовлетворение от услышанного. И даже, не расплетая ног, приподнялась на ступеньке и честно попыталась изобразить нечто, похожее на книксен.

– Смотрю: кто это идёт мимо незнакомый? А это не незнакомый, это Папа приехал!..

Девушка лучилась радостью, словно повстречала друга или, во всяком случае, доброго знакомого. Но он-то однозначно видел барышню впервые.

– В этой стране все девушки столь же воинственны и прекрасны?

– Да полно тебе, Папа, насмехаться-то! Это же я, Кончита!..

– Вовсе даже я не насмехаюсь, прекрасная Кончита. Совсем наоборот...

– Ой, не могу, Папа! Всё такой же приколист... Надолго к нам? Или как обычно, – Кончита вздохнула с деланной грустью, – оттянуться по-быстренькому и обратно в Штаты?

– Надолго-надолго! Вот те крест! – шутовски перекрестился.

Кончита рассмеялась. Смех у неё был славный – не натянутый.

Стремительная тень на миг закрыла солнце, и сверху обрушился грохот авиационного мотора. Они вместе проводили взглядами «кукурузник» в пятнах камуфляжной раскраски.

– Контролируют?

– Охраняют... – со значением поправила Кончита. Потом снова блеснула зубами, оттолкнулась ладонями от досок и легко поднялась на ноги. – Та што ж мы на пороге-то?.. Пройдёмте в хату, пане-добродию! Милости просим!..

Значит, считается, что они уже знакомы. Ладно, это упрощает... Наклонив голову, шагнул за порог. В сумраке сеней Кончита закинула локти ему на шею. Зрачки её тут же уплыли под верхние веки, и в полумраке мерцали теперь только узкие полумесяцы белков. Показавшиеся очень горячими губы – не то что влажные, мокрые, слюнявые! – коснулись его губ и сразу двинулись ниже, к впадине у основания шеи. Потом ниже. По пути следования губ Кончита задерживалась и оставляла синяки-засосы. Мысль, что засосы останутся надолго и их потом смогут увидеть посторонние, омрачила, и он отогнал мысль как несвоевременную. Народная героиня опустила на корточки...

Звякнул металл, и в полумраке блеснула отточенная сталь.

Погибель разящая!

В-ж-ж-ж-ик...

Как он отпрянул! Бритвенно заточенный крестьянский серп лишь самую малость не достал и не снёс из расстёгнутой «молнии».

– Ты чего, ты с ума сбрендила?! Да стой ты, в самом деле!.. Дура!.. Перестань!..

Выставленными ладонями, как сумел, отпихнул от себя рехнувшуюся валькирию с серпом, уронив при этом стакан с остатками самогонного коктейля. Стакан упал и разбился.

Промахнувшись, Кончита не обескуражилась неудачей и снова и снова махала своим ужасным оружием.

В-ж-ж-ж-ик... В-ж-ж-ж-ик... Раз, ещё раз, ещё раз... Справа налево... Потом слева направо... И снова справа налево...

Серп со свистом рассекал воздух, и ему с трудом удавалось отскакивать от острого, словно бритва, изогнутого лезвия, спотыкаясь о мебель, хрустя осколками стакана и тщетно пытаясь вырваться из полутёмной комнаты. С грохотом повалилась прялка, отлетел в угол и хрустнул там венский стул, посыпались с комода мраморные слоники, закачалась и свалилась с гвоздя убранная чистым рушником фотография в рамке: мужчина в косоворотке, с закрученными усами и блеклая женщина в декоративном кокошнике.

Кончита наступала, тесня в угол серпом и не давая возможности прорваться к спасительному выходу. Веснушчатое лицо теперь было искажено злобной гримасой, зрачки остановились и из круглых стали вертикальными – и следа не осталось от приветливой улыбки, от зазывно полурасткрытых губ. Верхняя губа хищно приподнялась, и на фоне кровавого цвета помады явственно белели нечеловечески длинные, волчьи клыки.

Ужас, ужас-то какой, Господи!..

Ага, когда прижало, Господь даже в уме с заглавной буквы сделался!

Что делать, что делать?

– Да прекрати ты в самом деле!.. – снова попытался урезонить, обречённо сознавая бесполезность попытки.

Естественно, Кончита не прекратила. Происходящее её захватывало. Кончита лишь сменила манеру: не размахивала серпом из стороны в сторону, а норовила поддеть резкими движениями снизу вверх.

– Понаехали тут!.. Воображают: всё им можно... Воображают: раз богатые, с баксами, так перед ними каждая тотчас стелиться начнёт... Разлетелась!.. У-у-у, москали поганые!.. У-у, кобели-и-и проклятые!.. Ты у меня за всех ответишь, сучий потрох... Ты у меня назад в свой фатерлянд полетишь белым голубем!..

– Это недоразумение!.. Я не москаль!.. Я американец!..

– Что, правда не москаль?

В-ж-ж-ж-ик...

– Правда-правда!.. Совсем не москаль, ни капельки не москаль!! Ты же меня знаешь, я ведь Папа, я известный американский...

Кончита оборвала его, не дослушав:

– А-а, единый хрен! Все вы одна банда – что американские, что не американские!.. Все одинаковые!.. Глобалисты проклятые, корпоранты!..

В-ж-ж-ж-ик...

– Но нельзя же так!.. Сразу-то...

– Нельзя, говоришь?! Нельзя?! – серп мелькал в воздухе: в-ж-ж-ж-ик! – Можно! Иш-шо как можно! Я т-те шас покажу, как можно! Не зря наш Че учит, – в этом месте голос Кончиты потеплел, а после вновь обдал льдом непримиримости, – только именно так и можно! Решительно и бескомпромиссно! Тер-р-рор и ещё раз тер-р-рор! – слово «террор» произнесла с особым нажимом, с удовольствием раскатывая букву «р». – Компаньеро Че бы тебя вообще на кусочки разрезал, а я только укорочу незначительно! Укорочу тебя, засранца бледнолицего, и все дела!.. Выставил тут, понимаешь, хозяйство... Сейчас за всё ответишь, проклятый гринго! Приведём к конечному знаменателю, известный ты там или неизвестный...

Чудом удалось извернуться, опять избежать, и стало понятно, что долго так продолжаться не сможет. В конце концов сумасшедшая валькирия загонит его в угол и произведёт операцию.

Колесо сделало «пуф-ф-ф!» и зашлёпало ошмётками покрышки по дороге. Правое переднее. Повело, но скорость была не особенно большая, поэтому когда я нажал на тормоз, мы просто остановились. Менять колесо предстояло в одиночку. В бинокль я разглядывал красные крыши деревни, до которой оставалось не меньше трёх миль. Хэдли курила тонкую папиросу, сидя на переднем сиденье и прикрывалась шляпой от полуденного солнца. Дорога долго оставалась пустой. Было понятно, что дорога может оставаться пустой ещё очень долгое время. Я вздохнул и полез в ящик с инструментами. На дороге показалась повозка, запряжённая парой волов. Вместе с возчиком ехал мальчик, у мальчика была с собой ручная мышь. Возчик слез с козел и подошёл узнать, что случилось. Вдвоём с возчиком мы быстро поменяли колесо, а Хэдли в это время ходила взад и вперёд по дороге и курила следующую папиросу. Возчик угостил нас с Хэдли вином из бурдюка и сыром, и мы пили вино и ели сыр с удовольствием. Потом я завёл мотор, и на прощанье мы помахали возчику и мальчику с ручной мышью, а они помахали нам в ответ. «Роллс-ройс» быстро разогнался, и деревню мы проскочили, не останавливаясь. Оставалось полдня пути до Барселоны. Хэдли смотрела только вперёд. Мы ехали разводитьсь.

Представил сцену со стороны: расхристанная Кончита с крестьянским серпом в руке и он – мечущийся по комнате мужчина с расстёгнутыми штанами. Очень не к месту стало смешно. И как только стало смешно, сразу же нашёлся выход. Окошко так себе, не ахти какое широкое, но пролезть возможно. Рама хлипкая, серьёзного удара не выдержит. Как там объяснял сержант Билли Крюгер, старший инструктор из Шестой парашютно-штурмовой бригады: разогнаться, прикрыть голову локтями и всем корпусом... Сержанта Билли Крюгера закопали в песок на армейском кладбище возле Эль-Аламейна, а наука его теперь пригодилась. Если бы

сержант был жив и находился поблизости, то по достоинству оценил бы результаты своей выучки.

Выбрав момент, рванулся к окошку, разогнулся и прикрылся локтями – рама хряснула и выломалась наружу под напором – и через миг в облаке искрящихся осколков, давясь хохотом, вывалился в посаженные в палисаднике подсолнухи.

«ДИКАЯ ОРХИДЕЯ»

Ниже, на самой двери, проставлены часы работы с дополнением: «*dia de descanso – lunes*». Здание одноэтажное, оштукатуренное и выкрашенное в жёлтый цвет. Над крыльцом – пластиковый козырёк с парой псевдостаринных фонарей на чугунных столбах. Парни в солдатском белье, окрестные батраки, при его приближении снимали соломенные шляпы: – Буэнос диас, сеньор Папа... Буэнос диас...

– Буэнос диас, лос компаньерос...

Лишь один не проявил интереса – чернокожий красавец порочного облика. Чернокожий красавец полулежал на песке, спиной опираясь на стену заведения, и меланхолично перебирал в пальцах янтарные чётки. Стена, на которую чернокожий красавец опирался спиной, была покрыта надписями углём, цветными баллончиками и другими веществами. «*Fuck this and fuck that, fuck it all and fuck the fucking brat...*» На высоте человеческого роста лозунг гласил:

«VIVA EL COMANDANTE CHE!»

На самом верху, писавшему, видимо, пришлось встать на табуретку либо воспользоваться приставной лестницей, на самом верху стены красовался след прошедшего праздника, со старанием выведенный разноцветными мелками, каждая буква отдельным цветом – красным, зелёным, синим, жёлтым, фиолетовым, чёрным, коричневым и бледно-голубым: «*MERRY FUCKING CHRISTMAS!*»

Не следует забывать: мы всё-таки в католической стране.

Одет красавец был не в бельё, а с претензией на элегантность. Узкие брюки с прошитыми поддельным серебром лампасами, остроносые полуботинки на босу ногу и надетый на голое тело кожаный пиджак. Босаяцкий шик, пропущенный через призму латиноамериканского макизма. Причём недорого: секунд-хенд копейки стоит...

В облике красавца не в тему были только очки: металлическая оправка сидела на кончике негритянского носа криво и казалась напыленной по приколу. Веки красавца полуприкрыты, и на мир красавец глядел из-под этих полуприкрытых век поверх очков с ленивым безразличием. Возле красавца на песке валялся узел с одеждой. Из узла свисали два или три галстука ярких расцветок. Рядом с узлом и красавцем стоял, переливаясь перламутровой отделкой, дорогой немецкий аккордеон.

– Ну как вам, Папа, у нас на Острове Свободы? – поинтересовался один из парней.

Собравшиеся тактично притворялись, что в упор не замечают прорехи в его штанине: зацепила серпом сдвинувшаяся валькирия!

Он проворчал в ответ:

– Удивительно классное местечко! Особенно девушки хороши – ласковые такие, доброжелательные... Прямо сёстры милосердия какие-то, голуби мира...

Парни сдержанно заржали. Чтобы заполнить паузу, поймал из пустоты сигару, любимый сорт Черчилля и Че Гевары, содрал обёртку, обкусил кончик зубами и долго щёлкал зажигалкой – руки ещё дрожали.

Тот же парень, продолжая комкать шляпу, заговорщически подмигнул:

– Ну, это ничего... Это не с вами первым...

– Она что, всегда такая едранутая?

– Не то чтобы всегда, но часто, – хитро прищурился парень. – Кончита у нас феминистка. Сражается за половое равноправие. Характер! Хуан, – парень кивнул в сторону чернокожего мачо, – и тот не всегда справляется!

Настоящий чёрный негр, не мулат, не сувенир из Африки комсомолкам с ткацких фабрик. Чёрный, как безлунная ночь и меланхолия. «Обликом чёрен и прекрасен...» Вместо того чтобы вступить в разговор, Хуан пододвинул к себе аккордеон, растянул меха, пробежался по клавишам и зарокотал тягучим баритоном на мотив довоенной «Кукарачи»:

Зачем убегаешь? Зачем убегаешь?

Постой-постой-постой-постой!..

Моя красотка, меня ты знаешь,

Я демон ночи, я твой герой!

Вдалеке над кукурузным полем снова появился давешний самолётик- биплан. Сделал круг, и с той стороны донесли пулемётные очереди: та-та-та... Потом снова: та-та-та... Снизу, с кукурузного поля, самолёту отвечали вразнобой. Хлопки выстрелов звучали приглушенно: далеко. Из кукурузы стреляли короткими очередями и – более гулко и редко – одиночными.

Другой крестьянский парень, рыжеватый, но, несмотря на рыжеватость, смахивающий на индейца, с отсутствующим передним зубом, прошепелявил, словно читал по бумажке:

– Корова-то единственная была, а увели, лиходеи!.. Попробовал не давать – как хряснули в грудь! – похожий на индейца потёр рукой по грудной клетке. – Во, до сих пор болит! И кровью харкаю... Ты, говорят, правый уклонист. Которые против интеграции в мировое сообщество... Скорее бы уж переловили!..

Стоявшие возбуждённо загалдели.

– Чуть вечер, тут как тут, – подхватил другой. – Являются: то то им дай, то это им дай!.. Нахапают самого ценного, заместо денег расписку сунут: дескать, при народной власти взад всё получишь в тройном размере, и назад в кукурузу ховаться. А что мне ихняя расписка! – говоривший кипел возмущением. – А не дашь – тотчас рукоприкладство! Или к стенке грозятся. Ты, мол, есть контра недобитая...

– Цены-то какие, а? Ведь что ни день – дорожает. Ни вздохнуть, ни пёрнуть, а ещё эти, бородастые, на нашу голову!.. Как их... Барбудос! – возмущённо загалдели собравшиеся.

– И всё нездешние, городские!.. Понаехали, понимаешь ли!.. Студии, мать их за ногу да головой об стенку!.. Телегенты очкастые! Давить засранцев следует компетентным органам!.. – прокричали из-за спин с надрывом.

– Хиппари бессовестные! Тунеядцы патлатые!..

– Поймали Кривого Гомеса, затащили в кукурузу, – вступил в беседу ещё один молодой крестьянин, до того помалкивавший, – к столбу привязали и висеть оставили. Гомес уж так просился, чтоб отпустили, так просился... Да куда там!.. – говоривший безнадежно махнул рукой. – Кулаком объявили Гомеса, классово вредным элементом. Мироедом. Гомес потом уже и проситься не мог, хрипел только. Похрипел-похрипел, да вскорости и помер. А снимать не велели...

– Так всемерно поддержим государственные органы правопорядка в ихней нелёгкой борьбе с коварными врагами народа и нашего обожаемого президента Фультенсио Батисты!.. – не унимался голос с надрывом.

– Че у барбудос главный заводила! Неформальный лидер! От него все беды, от Че еного проклятого! Это Че народ мутит супротив законной власти! В смысле, супротив сеньора президента...

– Та хай бы ён сказиуся, той Че, смутьян бисов!

Чернокожий Хуан, меланхолично перебиравший клавиши аккордеона и никакого, казалось, внимания не обращающий на собравшихся аграриев, презрительно сплюнул в песок:

– Деревенщина неотёсанная! Одно слово, колхоз «Победа»! Да если бы не Че, давно бы в заднице сидели с коллективной собственностью на средства производства!.. В городе бизнес налогами обложили, а сюда не заглядывают. Так, для галочки по преимуществу...

– Ну?..

– Гну! Партизан опасаются – значит, и вас, дурней, заодно не трогают. – Хуан всплывал из глубин своей меланхолии, словно аллигатор со дна протоки. – Пришла разрядка пять тонн кукурузы сдать дополнительно? Пришла. А где взять ту кукурузу-то? Тю-тю кукуруза!.. Налево ушла, за чёрный нал. Вот партизаны бомбой в лимузин сеньора губернатора провинции и шархнули!

– Факт, шархнули... И что?.. – поскребли затылки аграрии.

– Буёв сто! За те пять тонн никто потом и не спросил ни с кого. Типа забыли. Не до кукурузы стало – начальство губернатора хоронило. А долги списали по-тихому.

– Алькальд так ужрался на поминках, так ужрался... Переживал! Выходной мундир заблевал и в канаву завалился со свиньями, чуть растолкали наутро-то... Отбивался ещё, скандалил... – припомнил кто-то подробность.

Хуан подвёл черту энергичным заявлением:

– Если кто против компаньера Че вякнет, немедленно зарежу! Все усвоили?

Косясь на опасного Хуана, парни продолжили беседу. Говорили о видах на урожай кукурузы, поминали взяточничество администрации, произвол военных и полиции... Втянули и его. Рыжеватый, похожий на индейца, назвавшийся Мигелем, вспоминал – оказывается, они и с Мигелем раньше были знакомы – как ходил с ним в войну на шхуне-ловушке охотиться за гитлеровскими субмаринами.

Ни одной подводной лодки им так за всё время и не попало. Офицерская морская фуражка с белым верхом и разлапистой золотистой кокардой, специально приготовленная, чтобы быть надетой во время столкновения с неприятелем, провалялась в рундуке без дела, в конце концов сделавшись добычей моли. Похожего на индейца Мигеля он в упор не помнил, однако подтвердил: да, было такое, ходили в войну в море на сторожевике, было.

Остальные его тоже, похоже, знали, кивали одобрительно. Мол, накуролесил он тут, на Острове Свободы, в прошлый раз... Изрядно накуролесил. Он кивал, поддакивая по ходу.

События, до того придержавшие было свой бег, рванули галопом. Так молодая лошадка дёргается вскачь, шархнувшись от тени пролетевшей птицы. С треском распахнулась густо выкрашенная синей краской дверь «Дикой орхидеи», и оттуда, из-за жирно синеющей дверной створки, энергичной походочкой, отмахивая короткопалой ладонью, наружу шагнул небольшой, плотно сбитый человек. На вид человеку было лет двадцать шесть.

Вопреки жаре, человек был одет в потрёпанную пиджачную пару. Узел галстука съехал вбок, а в петлице медленно умирала вялая хризантема. Из-под мягкой шляпы на лоб человека косо свисала смоляная прядь, задорно топорщились толстые усики. Нос новопоявившийся имел картошкой, а глаза – чёрные, живые, несколько навывкате.

Чел был умеренно датый.

Руку человека отягощала верёвочная сетка-авоська из тех, что были популярны среди населения в пятидесятые и шестидесятые годы минувшего столетия. Из авоськи высывалось горлышко винной бутылки, и помещался ещё в ней газетный свёрток с жирными на свёртке пятнами. Увидав его среди толпящихся крестьян, энергичный обрадованно воскликнул:

– Ба-а!.. Не может быть! Глюк, глазам не верю! Папа приехавши!.. Какой сюрприз!.. Ну будут дела, ну будут...

И полез обниматься.

Одновременно с появлением энергичного из-за угла лавки пока ещё довольно издалека донёлся рёв не обременённого глушителем двигателя и лязганье, какое издаёт при движении гусеничная техника. Рёв и лязганье приближались.

Услышав рёв и лязганье, крестьяне сдёргнули надетые было соломенные сомбреро, а насчёт энергичного специально для него пояснили: «Учитель...»

Потом кто-то добавил для ясности:

– В прошлый приезд вы с учителем каждый день квасили. С утра как стукнитесь – и понеслась!.. Такого жару куролесили!.. И насчёт женского полу, и для общего настроения... Ради куражу по дому сеньора губернатора из ракетницы палили. Ещё немного – и остался бы сеньор губернатор без местожительства...

– Это тот, в которого бомбой? – вопрос он успел вставить, пока энергичный набирал воздуха для дальнейших излияний.

– Тот-тот... – закивали крестьяне, довольные тем, что смогли быть полезными почётному гостю Острова Свободы.

А учитель не унимался:

– Как там нынче, в Париже?.. Гризетки, шансонетки... А стойка не подводит? Как штык стойка-то, а? Праздник, который всегда с собой – ха-ха-ха!.. – и учитель процитировал нарочито тонким голосом, подмигивая и кривляясь: – *«Мне казалось вполне естественным носить для тепла свитер вместо нижней рубашки»*. – Потом сдвинул шляпу набекрень. – Свитер-то не колосся? Чай, это вам не Калифорния! – И уж совсем не к месту ляпнул: – *«Мороз и солнце, день чудесный...»*

Заехать этому клоуну в рожу, что ли?..

Собрался было так и поступить, однако обстоятельства сложились таким образом, что заехать в рожу весёлому человеку с хризантемой в петлице он не успел. Отдалённый рёв двигателя без глушителя перерос в близкий грохот, и из-за угла лавки выкатилось примечательное транспортное средство. Когда-то это был двухдверный «хорьх» с откидным верхом предвоенного выпуска, 1939-го года. Но от престижной тачки уцелело не всё, изрядно оказалось переделанным. Безвестные умельцы сняли с «хорьха» колёса, вместо подножек устроили вдоль бортов во всю длину корпуса специальные ниши и поставили автомобиль на гусеницы от немецкого тягача. Дверцы пришлось упразднить, и залезать внутрь полагалось теперь через верх. Расположенные в шахматном порядке гусеничные катки в сочетании с закрашенными синей краской фарами – inferнальные окуляры слепого Пью – производили сильное впечатление. Над лобовым стеклом мотались в открытой кабине полицейские фуражки.

Увидав автомобиль на гусеницах, учитель, которого он абсолютно не помнил по прошлым встречам, как не помнил и похожего на индейца рыжеватого гуахино Мигеля, с которым ходил в войну на охоту за нацистскими субмаринами – *амнезия? не амнезия?* – увидев автомобиль на гусеницах, учитель заплотшно заорал:

– Шухер, братва! Мусора на «луноходе» прикандыбались!

Потом повернулся и кинулся наутёк.

Решение принималось целую секунду. А может быть, и полторы секунды. Ведь сам-то он ничем не рисковал и мог смело оставаться там, где стоял. Стоял бы себе дальше и всё. Ну, подошли бы, козырнули, спросили бы документы. Предъявил бы американский паспорт. Козырнули бы ещё раз и отошли.

Секунду или полторы рефлекс боролся со здравым смыслом. Из гусеничного «хорьха» выскакивали поверх бортов тренированные бойцы, перетянутые шнурами и португепями, крестьянские парни привычно строились лицом к стене, и звучали среди фанерных лачуг строгие мегафонные команды: «Не оглядываться! Ноги на ширину! Вывернуть карманы!» Хотя откуда в кальсонах карманы?

Учитель почти скрылся со своей авоськой в глубине проулка, столбик пепла на кончике сигары почти отломился и готов был вот-вот упасть на землю, незначительное облачко коснулось краем солнечного диска и мир потускнел, словно прикрутили слишком яркий фонарь, когда рефлекс наконец пересилил.

Классная доска висела криво. Над доской к стене приколочен в обрамлении еловых веток портрет карибского креола в бакенбардах. Креол сверлил с портрета пространство рентгеновским взором: «*Я вас, блядей, насквозь вижу!*» Портрет над доской имел пояснительную надпись:

«Batista-Liberator».

Поперёк доски мелом выведено: «*В последний день учиться лень...*», а дальше затёрто. Внизу и ближе к краю торопливой скорописью значилось: «*Ковалёва – шлюха*».

– А где дети? – спросил он.

– Дети? – вопрос озадачил учителя. – Дети?.. Какие де... Ах да, дети!.. Так ведь лето, каникулы. До сентября – полнейшая свобода... Патриа и либертад... Балдеют покаместь дети...

– Один здесь управляешься? – кивнул на обшарпанные стены.

– Зачем один? Я здесь вообще так, рядовой из нестроевых, ограниченно годных... А вообще коллектив имеется... Чего хмыкаешь! Не веришь? Реально! Заслуженные учительницы, по двадцать лет трудового стажа. Прикинь: двадцать лет нести это... Высокое, вечное... Прикинь: двадцать лет нести в едренях знания в массы, учить этих чурок! – учитель кивнул в сторону невозмутимого Хуана. – Толстой, Достоевский, закон Ома для участка цепи, первый бал Наташи Ростовской, квадрат гипотенузы равен квадрату хрен его знает чего... И назад к маме ни разу не записаться!.. В город, в столицу. Туда, – учитель вздохнул, – где дома двухэтажные, где в чулках шёлковых дамочки по Малекону фигурируют, где театры, концерты, вернисажи там всякие... Где кавалеры галантные ручки целуют и горячая вода из крана льётся без никаких технических перерывов. Вот где люди-то, вот где старая закваска, кондовый идеализм девятнадцатого века! Герцен, Сухомлинский, четвёртый сон Веры Пал-л-лны... А-а, то-то!.. Светом знаний разогнать вековую тьму невежества, воспитать нового человека – циклопическую задачу себе определили!.. Из таких вон, – учитель ткнул неверной рукой в сторону чернокожего мачо, – из таких вон черножопых оболтусов совершенную личность выковать... Эт-т-то ты попробуй, мил человек, который звучит гордо!.. Какова миссия, а?! Какова?! А ты вон хмыкаешь...

Стало понятно, что впредь учителя понадобится как-нибудь именовать. Во всяком случае, про себя, для внутреннего пользования как-нибудь надо учителя обозначить. Как зовут учителя, он не помнил, а спросить самого учителя об этом не нашёл необходимым. Спросишь – потеряешь лицо, попадёшь в дурацкое положение: считается ведь, будто с учителем они закадычные приятели. То есть как того зовут, он должен помнить твёрдо. А раз не помнит, то что выходит? Выходит, алыцгеймер.

Короче, с какого-то момента учитель стал Учителем. Хотя вскоре выяснилось, что у учителя Учителя есть и другое наименование, это первое, с заглавной буквы, для внутреннего пользования, тоже сохранилось.

Вот так – «*Учитель*».

– А сам что читаешь?

– Да всякое читаю... – задумчиво протянул учитель Учитель. – Ну, «Новый мир» полистываю, «Роман-газету», на чердаке полно подшивок, пыльные, правда, зар-р-раза, фэнтези опять же, Лукьяненко вон, Гарднера иногда под настроение... Здесь библиотека ничего себе, рекомендую...

– Да нет, в другом смысле...

– А, преподаю чего, спрашиваешь? И прошлый интересовался... Историю факультативно в старших классах и идеологию эту ихнюю грёбаную. Семь часов в неделю обучаю лоботрясов родину любить! Ну, плюс ботанику в пятом, биолога найти не выходит, кто по доброй воле в глухомань пойдёт?..

– Чего, и в биологии шарить?

– По методичкам излагаю, но ничего, идёт помаленьку... А кому легко опять же? – Учитель задумчиво понюхал хризантему у себя в петлице. – Какой дурак сюда пойдёт, кроме расконвоированного ссыльнопоселенца? За чистую идею, да в дощатом сортире?.. Никто, голуба, – Учитель опять забулькал бутылкой, разливая портвейн, – не пойдёт. Измельчал народишко. Оком... оконформистился. За длинным песо всякий гоняется, за комфортом. И за обычным, и за душевным... Подобных идиотов, – Учитель икнул, – поискать...

– Влетел за политику?

– Какая разница? – неопределённо ответил новый знакомец. – Теперь вот во глубине, навроде пленного декабриста в бессрочной ссылке. *«Оковы тяжкие падут, темницы рухнут, и свобода вас примет радостно у входа»*... – Учитель криво усмехнулся. – Бестужев-Марлинский этакий местного пошиба... Да ты пей, брат, пей, не жульничай...

– Угу... Бестужев-Рюмин... *«И братья меч вам...»* Помню...

– Именно!.. Меч это... Отдадут...

Сидели друг напротив друга в единственном классе пустой по летнему времени поселковой школы и цедили из пластмассовых стаканчиков тёплый розовый портвейн. Чернокожий Хуан отирался неподалёку. От розового портвейна Хуан небрежно отмахнулся и в беседе не участвовал, а подпирал дверной косяк, перебирая чётки и меланхолично разглядывая поверх очков пустынную улицу.

Стояла сиеста.

Каким образом Хуан умудрился добраться прежде них, осталось неясным. Во всяком случае, когда он и Учитель, запыхавшись, прибежали в поисках укрытия в местную школу, Хуан уже торчал в дверях. Оставалось предположить, что в момент появления гусеничного «хорьха» с полицейскими Хуан как полужелезкой возле стены лавки, с чисто негритянской иронией поглядывая на мир поверх очков, так из-под этой стены волшебным образом и испарился. Даже не вставая. На то она и есть негритянская магия вуду. Причём испарился вместе с узлом пожитков, очками, дорогими чётками и с аккордеоном.

И сразу же материализовался на школьном пороге. Узел и аккордеон материализовались тоже.

Пожалуй, хорошо вышло, что он не успел заехать Учителю в табло.

Учитель:

– Вижу, вижу, что забыл. Да ладно, не напрягайся, Папа... Не напрягайся... Зови меня попросту, как прежде звал, «ми амиго профессоре». – Ударение в слове «профессоре» Учитель сделал на предпоследнем слоге. – А я стану звать тебя Папой, и никак иначе. Никак иначе... Секёшь, Папа? – и по плечу его потрепал до крайности фамильярно.

Так вот, поскольку Учитель рассказал про обстановку на Острове Свободы много занятого. Перейдя на политические темы, амиго профессоре по-заговорщицки понизил голос и, обхватив его за шею, пригнул его голову ухом ближе к своим губам, зашекотал усами. Расклад оказался следующим. На Острове Свободы всюду бушует гражданская война. Но бушует не так, как должны бушевать нормальные гражданские войны – с кавалерийскими рейдами, с тачанками и триумфальным захватом банков и телеграфов, с декретами и стрельбой, с пламенными речами с броневиков и с разведёнными мостами, а бушует подспудно. Революционеры в кукурузе, по-местному – герильеро, они же барбудос, бородатые – одна сторона, а старая власть – другая. Власть проводит, как и положено, репрессивную политику.

Насчёт репрессивной политики, так они как раз едва ноги унесли.

Это понятно.

Население Острова Свободы – и то, которое с оружием, и мирные обыватели – втянуто в процесс. Повстанцы неоднородны. В лесу и в кукурузе прячутся и ведут боевые действия разнообразные группировки, от идейных борцов до простых мародёров, в населённых пунктах базируются подпольщики, правительственные солдаты и полиция. Самой значительной антигосударственной силой считаются феделисты-герильерос. Сочувствующие им есть и в посёлке, и даже подпольная ячейка имеется. Только батраки, те, как обычно, ни тпру, ни ну, ни кукареку. Хотя Че и указывает в своих манифестах, что крестьянский элемент – самая что ни на есть революционная часть народа.

Сам Учитель – амиго профессоре гордо выпятил грудь – конечно, за либералов. Иными словами, за медленный эволюционный путь реформ. Однако на медленный эволюционный путь реформ нет ни времени, ни терпения. Да и либералов никаких в округе нет и не предвидется. Сплошные радикальные элементы. Поэтому в качестве наименьшего зла Учитель держит сторону революционеров, то есть герильерос, а по-простому – партизан. Хотя те и сплошь с анархистским уклоном.

Из-за этой его политической ориентации – «Я сказал политической, а не половой, и нечего тут, Папа, ухмыляться!» – каждый здесь о его политической ориентации знает, посёлок Санта-Клара маленький – приходится от ментов вечно тикать и прятаться. А те особо и не догоняют – люди южные, ленивые...

За партизан – «Но только тс-с!.. Только это большая тайна! Вы меня понимаете?..» – и подпирающий дверной проём Хуан.

Несмотря на внешнее лощёное негодяйство, однажды что-то сдвинулось в Хуане и начал чернокожий мачо в свободное от пацанских подвигов время почитать запрещённые книжки да о всеобщем счастье фантазировать. Свобода, равенство и так далее. Но главное, разумеется, свобода. Воля!

В кукурузу новообращённый борец за правое дело не подался, счёл нецелесообразным. Остался в Санта-Кларе секретным связным. И даже трахаться с кем попало вроде бы перестал, постоянную подругу завёл – Кончиту то есть. Якобы прикрытие отрабатывать. Типа он теперь человек семейный, обременённый, к политике индифферентный... Считается, что о том, что Хуан связан с партизанами, никто не знает. Даже Кончита не догадывается. Или притворяется, что не догадывается. Сам Хуан – чернокожий красавец утвердительно кивнул от дверного проёма в смысле, что так оно и есть – свою связь с герильей маскирует. Даже когда гёрл-френда из хаты выперла, и то не раскололся. А ведь мог: так, мол, и так, действую по заданию, специальный агент Смит... Но нет, не раскололся. Конспирация потому что. Но ему-то, Папе, здесь доверяют, Мадридский фронт и всё такое прочее, и потому информируют как есть, без утайки.

Сдвинулся на революционной борьбе также местный аптекарь.

Всю жизнь аптекарь возился с припарками и микстурами, как умел, пользовал окрестных обывателей от свинки и от живота – и в политику, а уж тем более в политику экстремистскую, со стрельбой и засадами, не лез ни в самой малой степени. Был аптекарь человеком одиноким и робким, немногословным и от политических конфликтов невероятно далёким. Канареек любил, их в аптеке с десяток сидело по жёрдочкам в самодельных клетках. Но вот однажды ночью – очевидцы, кстати, вспоминают, что стояла полная луна – тишайший поселковый фармацевт открутил голову лучшей канарейке, подпалил аптеку с четырёх углов и подался в кукурузу, имея при себе дюжину чистых рубашек, докторский чемоданчик с медикаментами и хирургическими инструментами и мешок собственноручно изготовленного в аптечной лаборатории динамита.

– Это... Ещё компьютер напоследок изрубил, – напомнил от двери Хуан.

– Ага, ещё компьютер, – небрежно подтвердил Учитель. – В говно изрубил. Топором...

Учитель плеснул в пластмассовые стаканчики дополнительно портвейна, почавкал колбасой с газеты и собрался продолжать. Однако рассказ был прерван происшествием. С улицы послышался шум мотора. Не форсированный рокот гусеничного «хорьха», а натужное гудение раздолбанной трёхтонки. «Едут», – сообщил Хуан, однако что кто-то едет, было и так понятно. С лязгом переключались передачи и нестройно, вразнобой доносилось:

*Через две, через две зимы-ы,
Через две, через две весны-ы
Отслужу, отслужу, как надо, и вернусь!..*

Грузовик оказался снаружи обшит на заклёпках листами кровельного железа, местами ржавого. Очевидно, в качестве брони. Броневая обшивка совершенно маскировала истинную природу мирной колхозной машины и делала грузовик похожим на бронепоезд или на старинный неуклюжий броневик, или, если точнее, не на настоящий бронепоезд или броневик, а на фанерную их имитацию, какие фанерные штуки выпускали тихим ходом впереди первомайских колонн. На демонстрациях сверху таких самоходных декораций стояли актёры в солдатской и матросской форме, символизируя собой торжество соответствующей идеи, а то и дядечка с накладной лысиной. Но это на демонстрациях. Здесь же сверху никто не стоял. Зато в амбразурах мелькали раскрасневшиеся солдатские физиономии, а над кабиной поверх прожектора торчало толстое рыльце пулемёта «максим».

– О-о!.. Сейчас будет интересно! Идёмте-идёмте, любопытное зрелище! – и Учитель увлёк его к дверному проёму. – Отсюда лучше видно. Охота на слона называется... Говорят, Че самолично придумал...

Бронированный грузовик миновал школу и, гремя и вихляясь, приближался к участку немощёной улицы, застланному слоем пальмовых листьев. Вот на слой листьев заехали передние колёса, а вот и задние. В дверной проём действительно было отлично видно. И тут раздался треск, хруст, пальмовый настил провалился, и бронированная машина ухнула в замаскированную яму. Взметнулись обломанные жерди, земля дрогнула. Из-за ближайшего плетня взвились победные вопли, там ликовали, а из провалившегося бронегрузовика доносились энергичные разноголосые матюки.

– Лихо, а?.. Орлы! Герои! – Учитель приплясывал от удовольствия и панибратски толкался локтем в бок. – Народная смекалка, а?.. Кулибины! Ползуновы! Под мудрым руководством товарища Че! Что значит творческая мысль на службе народа! Охота на слона называется... На слона, ха-ха!..

В бронированном грузовике повозились, и оттуда в сторону плетня коротко такнул пулемёт. Надетые вкривь и вкось на колья плетня горшки и пятилитровые банки полопались с громким звуком. Пулемёт замолчал.

– Ленту перекосябило, – прозлорадствовал Учитель. – Хромает у вояк боевая подготовка. Оттого и материальная часть не на высоте содержится. А всё почему?

– Почему?

– А всё от отсутствия этнуза... энтузиазма! Без огонька служат, без желания! Чисто в форме покрасоваться да маленькую власть поиметь. Обречённый режим...

– Не зацепят пулемётом?

– Да нет там никого уже, – бросил Хуан. – Дёрнули огородами.

Между ними штопором ввинтился Учитель. Плеснул по пластиковым стаканчикам остатки портвейна.

Хуан снова отказался от выпивки, продолжая подпирать дверной проём – опасный чернокожий красавец в непонятно зачем нацепленных очках. А Учитель с места в карьер затараторил:

– Эпизоды революционной борьбы! Героические, так сказать, будни...

Несмотря на отчаянное фиглярство, Учитель ему нравился. Не случайно в прошлый раз стакнулись, хоть ни черта он от этого прошлого раза не помнит. Дурака валяет, а видно, что неглупый парень. Глаза выдают. И ещё речь, артикуляция. Столичный, центральной и образованный. МГУ либо вообще питерский. Плюс в семье два-три поколения.

По возможности придал голосу безразличную интонацию:

– Кстати, а кто такой этот Че?

Учитель потёр макушку под шляпой, собираясь с мыслями. Потом принялся шарить по карманам. Залез в один внутренний карман пиджака, потом в другой, похлопал по боковым. Ратерянно огляделся вокруг, и вдруг обрадовался – нашёл то, что искал. Вытряхнул с газеты колбасные шкурки прямо на пол, разгладил газету короткопалой пятернёй и протянул ему:

– Вот, Папа, взгляните, как раз насчёт этого Че... Официальная версия, так сказать...

Взглянуть-то он взглянул, но оказалось, что разобрать на газете, в которую Учитель завернул в лавке колбасу на закуску, ни хрена невозможно. Жёваная, соевая газета, а на первой полосе отчего-то в траурной рамке нечто расплывчатое, напоминающее неудавшийся фотографический портрет. Как будто снимали не в фокусе или нерадивый лаборант напортачил с проявителем. Светлый овал на месте лица, провалы глазниц, тёмные прямые волосы не столько видны, сколько угадываются – вот, собственно, и всё. Кроме совершенно размытой фотографии, имелись в газете какие-то слова – «...*criminal peligroso de estatal*...» – и ещё что-то в том же роде, а также единица и множество нулей за единицей следом.

Повертел газету, пожал плечами и разочарованно вернул Учителю.

– Ну и что? Ничего ведь не разобрать...

– И правильно! И правильно, что не разобрать! Так и задумано. Это туфта, на самом деле нет ни единого портрета, ни примет, ни описаний. Ни Че, ни Вентуры!

Придав лицу максимально таинственный вид и для пущего понта опять перейдя на шёпот, Учитель разъяснил следующее.

Партизанами-барбудос и вообще противниками режима руководит в округе некий лидер по имени Че. А если точнее, то есть почти полностью – команданте Че. Команданте – это Учитель подчеркнул особо – это самое высокое партизанское звание, от слова «командовать», поэтому легко понять, что главнее Че среди повстанцев никого нет и быть не может. Но интрига в том, что кто такой Че и каков самый главный партизанский командир из себя – этого не знает ни единая душа. Ни единая! Вообще никто. За то, что личность Че никому не известна, Учитель готов поручиться собственной головой. В доказательство серьёзности заявления амиго профессоре крепко стукнул себя ребром ладони сбоку по шее. Мол, ежели соврал – пускай рубят.

– Че может оказаться абсолютно кем угодно. Им, – Учитель ткнул пластмассовым стаканчиком в сторону замершего с очками на кончике носа Хуана, – или мной, или нашим сумасшедшим аптекарем, к примеру. Проходим на улице, мальчиком по вызову, уборщиком в общественном сортире, нищим на улице... Даже вами, Папа, даже вами... А почему нет? Совершенно никаких гарантий...

– А что, тут имеются общественные сортиры и мальчики по вызову?

– Да нет, какие сортиры, какие мальчики... Это так, к слову, ради доступности понимания... Да не придирайтесь к мелочам в конце-то концов! Не придирайтесь! Следите за мыслью!

– Да не придираюсь я, не придираюсь. Просто подумал...

– Нет-нет, никаких мальчиков. И никаких сортиров тоже. Исключительно на природе. В естественной среде. По преимуществу в кустах.

И Учитель неопределённо кивнул в сторону глухой стенки.

– Точно?

– Не уводите от темы. От темы не уводите, говорю! – на Учителя местный портвейн подействовал вполне сообразно со своим назначением. – Только представьте себе, Папа, каково величие замысла! – принялся дальше юродствовать поддатый амиго профессоре. – Это же измыслить такое, и то оторопь берёт... А воплотить? Реализовать во всей полноте, так сказать... Ага, то-то же!.. А вы говорите – мальчики... Какие, к лешему, мальчики, тут такая политика!..

– А женщиной? – Он задал вопрос совершенно автоматически, просто чтобы поддержать разговор. – А женщиной Че может оказаться?

– Женщ-щ-щиной? – переспросил Учитель, намеренно растягивая букву «щ». – Женщ-щ-щиной?... Да нет тут, блядь, никаких женщин! Во всяком случае, в общепринятом современном понимании этого слова. Лишь девы юные имеются. Так что сомнительно, сомнительно...

Ладно, сомнительно так сомнительно. Гербер предупреждал вроде бы о группе, а не об одиноком лидере. А тут оказалось вот какое дело... Выходило, что этот неизвестный Че теперь является его заданием.

– Невидимый руководитель повстанческого движения, без лица, без привычек, без слабостей!.. Чистая абстракция...

– Именно, Папа! Именно абстракция! Невидимый и вездесущий Че...

Великий и ужасный Че. Гудвин, Волшебник Изумрудного Города, хитрожопый сукин сын. Иллюзия, кругом иллюзия...

– Хорошо, амиго, хорошо, это понятно. Но каким образом этот ваш Че управляет? В конце концов, любой руководитель должен передавать приказания, контролировать там...

– А Че и контролирует. Че ведь где-то рядом, неподалёку. В среде, так сказать, внутри процесса... А что до приказаний, так на то связные имеются, революционная агентура. Вон, – Учитель снова ткнул стаканчиком, уже, впрочем, пустым, в Хуана, – один прямо тут торчит. Есть и другие... А как же, у нас всё по конспирации, как положено...

В дверной проём было видно, как бойцы в вылинявшей униформе бродят вокруг провалившегося в яму бронегрузовика, как озадаченно скребут затылки. Пострадавших вроде не замечалось. Среди солдат суетился толстый чин с кобурой на боку, орал – пытался командовать – но особого толку от командования не было. Бронированный грузовик сидел в яме прочно.

Такие вот дела оказались с этим Че. Но это не всё, потому что персонально за Че охотится начальник здешней службы безопасности капитан Вентура. Говорят, и слухам этим можно – о, ещё как можно! – верить, что этот самый капитан Вентура поклялся однажды во время мессы в кафедральном соборе главного города провинции, поклялся мамой в соборе Святой Девы Кардидад при свидетелях – так передают – самолично извести знаменитого команданте Че до полного уничтожения. Вроде как связаны были когда-то Че и означенный Вентура некими узами, и не капитаном был ещё в те времена Вентура, не капитаном, а всего только юным корнетом, стройным и звонким, корнет Вентура, значит, и что-то там у корнета Вентуры с этим Че вышло нехорошее, а что именно вышло и что после случилось, из-за чего поклялся набравший матёрости капитан Вентура все силы свои и самую жизнь положить на уничтожение пламенного революционера Че, то всё неведомо, неведомо...

Но и на этом не заканчиваются навороты, окружающие подспудно кипящую в сонной провинции борьбу между полицией и подпольщиками, между армией и партизанами. Словно туз из рукава, вытянул лукавый амиго завершающий штрих, вытянул и пляснул о карточное сукно – дивись, надменный янки! И было, и было чему дивиться. Потому что и капитан Вентура, поклявшийся в кафедральном соборе извести пламенного революционера Че до полного уничтожения, тоже оказался чистым фантомом без лица, без привычек и примет. Как ни еди-

ный человек не знает, кто такой на самом деле команданте Че, точно так же никто не может утверждать, что знает, кто такой капитан Вентура. Подобно Че, здешний руководитель правительственной службы безопасности Вентура – фигура абсолютно законспирированная.

Совершенно голая девчонка висела, вздёрнутая на суку на связанных запястьях и была вся вытянутая, напряжённая, едва касаясь кончиками пальцев ног земли. Вернее, песка и сухих иголок. Выпирающие рёбра и поджатые ягодицы. Девчонка казалась из-за своего подвешенного положения ужасно худой и из-за пронзительного солнечного света неестественно белой. Белое тело в пронзительном летнем зное. Девчонка выглядела какой-то ободранной, неухоженной. На бёдрах и на руках россыпи красных пятнышек. Сыпь. В некоторых местах сыпь сливается в бляшки, расчёсанные. Узкую спину и ягодицы девчонки расчертили, пересекаясь, вздутые рубцы с выступающими капельками крови. Подвешенная за запястья на дереве голая девчонка была исхлестана тяжёлой кожаной плетью.

И плеть находилась в непосредственной близости от вытянутого вдоль дерева худого девчонкиного тела. Буквально в одном шаге. Плеть сжимал усатый тип в штанах галифе и несвежей сорочке с кружевами. Ещё на типе были жёлтые сапоги для верховой езды и зелёный шейный платок, довольно замызганный. Один из пальцев типа украшал перстень с тёмным камнем. Волосы типа были смазаны жирным и блестящим и прилизаны в обе стороны от пробора, а усы подбриты в ниточку. Тип смахивал на злодея-сутенёра из мыльной оперы. Злодей из старого latinoамериканского сериала или из старого latinoамериканского кино.

Впрочем, похожий на сутенёра тип особо не интересовал. Вот девчонка, та – да. Подвешенную на верёвке девчонку он увидел всю: как порыв пустынного ветра, как глоток студёной воды. И такой она у него в воспоминаниях об их первой встрече и осталась навсегда – голой, исхлестанной, на цыпочках. Девчонка перестала визжать, а похожий на сутенёра тип размахнулся плетью для нового удара и проорал, вздуваясь жилами:

– Будешь ещё, потаскушка неумытая, ноги ради негров раздвигать?!

– Не буду больше! – захлебнулась девчонка, извиваясь на верёвке. – Честное слово, не буду больше-е-е!..

Тип утробно ухнул, широко, будто в пляске, размахиваясь плетью:

– Поберегись!! Ожгу!!

Плеть свиснула. Поперёк втянутых ягодиц протянулся ещё один рубец. Свежий рубец тут же вздулся и побагровел. От боли девчонка задохнулась, а после отчаянно и звонко выкрикнула, так звонко, что уши заложило:

– Я девственница!!

Левой в солнечное сплетение. И сразу правой в голову!

Спортивный клуб размещался в подвале маслобойни. По вечерам в подвал собирались молодые хулиганы и до одурения дубасили кулаками в перчатках друг дружку и, ради разнообразия, также и тренировочные груши, а во дворе размещалась лесопилка, в точности такая, как во дворе того дома, в котором они жили в Париже с первой женой. С первой женой, с Хэдли... По соседству стояла – это в Чикаго, в Чикаго, не в Париже! – по соседству дальше по улице находилась трикотажная фабрика, и работницы с фабрики каждый вечер группами шли после работы по тротуару мимо подвальных окошек; так что изнутри, из спортивного зала, можно было видеть только мелькающие ноги работниц – в белых носочках летом и в толстых серых чулках зимой. Посреди спортивного зала был установлен окружённый канатами ринг, с потолка свисали груши разных форм и размеров и тускло-жёлтые электрические лампочки под жестяными абажурами, а стены украшали портреты знаменитых боксёров – Джо Льюиса и других – и афиши боёв. В зале всегда висел полумрак, даже

когда зажигали лампы под потолком; по-настоящему светло там никогда не бывало, и стоял плотный запах мужского пота, кожи и резины.

В типе булькнуло или хрюкнуло, и не успев сменить на лице выражение лёгкого удивления или досады на другое, тип попятился было, мелко-мелко перебирая ногами, но почти сразу не удержался и сел на землю. Плётку тип при этом выронил. Девчонка на верёвке зло-радно хихикнула. Словно что-то вспомнив, тип принялся шарить под собой. Нашёл то, что искал, и в руке у типа появился маленький блестящий пистолет. Как это их раньше называли, такие пистолеты? «Дамский браунинг». И ещё по-другому – «плоский браунинг». Плоский, как портсигар. Удобно помещается в задний карман. Тип поднял браунинг, и он увидел чёрную дырку дула. И ведь не промажет, гад! С такого расстояния любой не промажет, а этот, небось, ещё и упражняется регулярно, досуг проводит. Пришпилит игральную карту к стенке, валяется на диване и садит пулю за пулей, квалификацию повышает. Омбре поганый! Причём, скорее всего, дело происходит в борделе. А где ещё такой хрен может околачиваться, кроме публичного дома? Ясно ведь, что с такой сутенёрской рожей, кроме как в борделе, больше нигде. Зато там-то тип наверняка держится своим человеком. Этим, как его... Завсегдаем... Может, правда сутенёр? Или управляющий борделем, директор? Наёмный специалист. Ладно, пусть директор. И из браунинга карманного этот директор палит прямо на рабочем месте, в перерывах между мерзостями, персонал пугает. Самоутверждается. Потому, что дома обоев новых жалко – в цветочек по розовому полю. Если тип в самом деле сутенёр, то девчонка значит?.. Вот то самое и значит! Но это дела не меняет. С любым человеком нельзя обращаться по-скотски. К тому же, может, заставили. Здесь это, скорее всего, запросто, здесь ведь не свободный мир. Кому жаловаться на Острове Свободы? Не этим же, в портупелях, которые на гусеничном «хорхе» разъезжают! Или с голодухи пошла – ишь какая тощая, чисто из Освенцима...

Битый тип свободной от пистолета рукой размазывал по лицу слюну и кровь и что-то орал, срываясь на дискант, что-то насчёт того, что сейчас уроет и закроет, и ничего ему, типу то есть, за это урытие и закрытие не будет, и что он, тип то есть, таких пачками кончал, и ещё много всякого. Было совсем не страшно, скорее любопытно.

Голая девчонка опять завизжала. В воздухе мелькнул некий предмет, и выбитый ударом этого предмета из руки сутенёроподобного браунинг отлетел в сторону. Нож-наваха? Мачете? Томагавк? Ни хрена подобного – это был ботинок! Поношенный, остроносый, со скошенным каблуком мужской полуботинок. Вроде ковбойского сапога, только укороченный. Нечищенный, но элегантный. Пижонский. Остроносый псевдоковбойский полуботинок, брошенный твёрдой рукой из-за пределов обозримого пространства, угодил точно в запястье типа с пистолетом. Вот уж кто-то настоящий Чингачгук, мастерский метатель ножей, томагавков и полуботинков!

...Добровольцем пошёл на свою первую войну. В один голос отговаривали. Пугали, что вернётся без руки или без ноги, или вообще пришлют назад в цинковом гробу, накрепко запаянном. Могло повернуться и так. Но всё равно пошёл на войну. Едва уломал нужного крючок-котовора – взятку давать было не из чего. Мандраж бил невероятно, но пошёл. Запахи новой кожи, солдатского сукна, сапожной ваксы – запахи первого армейского обмундирования. И оружия – запах пороха и оружейной смазки. И больничные запахи – эфира и дезинфекции. Сбежал на театр военных действий из страны равных возможностей. На фронт под пули от коттеджей с бассейнами и гарантированного кресла-качалки в далёкой старости. Сбежал от нудных штудий на виолончели – гаммы, гаммы, гаммы... Сбежал из патентованного рая и от мамыши, затюкавшей отца. Сбежал из безмятежного Оук-Парка...

Хуан приближался в дрожащем полуденном зное, двигаясь со всегдашней опасной грацией леопарда, и только в одном псевдоковбойском полуботинке, что грации хуановского движения нисколько не мешало. Хуан поигрывал янтарными чётками и, вопреки обыкновению, позволил себе улыбнуться – сверкнули белоснежные зубы. Потерпев окончательное поражение, побитый тип больше не выражался в полную силу, а только богохульствовал под нос: «*Кар-р-рамба!.. Кар-р-рамба сакраменто Санта Мария дель Фьоре...*», не пытаясь встать, а только понемногу отодвигаясь на заднице в сторону. И недоброжелательно косился на Хуана. Чувствовалось при этом, что тип Хуана не боится. Зол на чернокожего мачо, ничего поделаться с Хуаном не может, но не боится. Не видит побитый тип в чернокожем Хуане своего ангела смерти. Хуан в свою очередь не проявил по отношению к побитому типу агрессивности. Свою радость Хуан сразу спрятал, замкнулся во всегдашнем показном безразличии. И вёл себя по отношению к типу, как бы поточнее выразиться, осторожно... Помог типу подняться – тот продолжал ворчать, но уже вовсе неразборчиво – и надеть валяющийся поодаль мундир. Даже отряхнул с мундира приставшие соринки. Несмотря на недовольство Хуаном, тип помощь принял. На плечах имелись эполеты, а впридачу к оловянным пуговицам в два ряда грудь украшалась крестиком с ленточкой. Появился мундир, и вот уже перед нами не предполагаемый бордельеро, а усталый воин, скромный герой, а может быть, даже избежавший разрушительного действия времени соратник борца с испанскими колонизаторами генерала Антонио Масео. Разве что синяк под глазом портит впечатление. Хуан поддержал типа под локоть и что-то сказал тому вполголоса. А после, так и не надев второго полуботинка, проводил в сторону уходящей в лес тропинки. Тип не стал упираться, а проследовал в указанном направлении. Плеть свою тип забыл там, где уронил. Напоследок тип озирился, но от высказываний воздержался.

Обернулся на исходящее от девчонки тепло и увидел девчонку совсем близко, и рубашка прилипла к спине, а уши заложило, словно в самолёте во время набора высоты. И гул пошёл... Конкретно на соски старался не пялиться. Лицо бледное, узкое, сухое, губы узкие и бледные с фиолетовым отливом, а глаза – синие, пронзительные – горят бешенством, и никакой благодарности за спасение от жестокого дядьки эти глаза не выражают. Рёбра выпирают, чисто стиральная доска. И ещё россыпи красных пятнышек и бляшек – на бёдрах, ниже коленок, на запястьях... И шрамы на внутренних сторонах обоих запястий, там, где вены. Некоторые шрамы старые, белые, зажившие, а один или два – свежие. Скорее всего, нанесены лезвием безопасной бритвы. Глянул на Хуана. Тот прыгал на одной ноге, обуваясь.

– Хуан...

– М-м-м?..

– Спасибо... То есть грасио...

В ответ Хуан только пренебрежительно фыркнул: в смысле, проехали.

В траве стрекотало. Зной окутал каждую травинку, каждую сосновую иголку, каждый цветок, любого жучка или муравья в траве. Чирикнула птица – раз, потом другой. Прогудел шмель. Девчонка мотнула чёрной в синеву чёлкой сосульками, отгоняя насекомое. Глаза пульсировали льдистым бешенством. Упреждая его движение, девчонка пуще прогнулась телом и сама высвободила запястья из петли. А освободившись от верёвки, бросила сквозь зубы:

– Дурак! Весь кайф поломал!..

И сплюнула в знак презрения толстой пенистой каплей. Эти двое, то есть девчонка и Хуан, обменялись взглядами. До-о-олгими такими, говорящими. Чёртов Хуан, чёртова черномазая секс-машина!

Девчонка стояла обнажённой. Дерзко, в открытую!

Заметил, что ногти на руках длинные и заточенные в форме конусов, покрыты чёрным лаком, кое-где облупившимся. Заточенные специально, чтобы похоже на когти хищного животного. Живот втянутый, а бёдра узкие, как у мальчишки. Шёрстка аккуратно подбрита,

так что осталась узкая полоска. Ободранные тощие коленки, красные бляшки и пятнышки россыпью...

Сифилис у девчонки, гонорея, СПИД, проказа или какая другая дрянь. Пусть так. Он готов заразиться чем угодно, СПИДом, сифилисом, проказой и заживо сгнить потом вместе с ней от этой её заразы на больничной койке без простыней, одной на двоих в лечебнице для бедных или просто в пыли под забором. И если вместе, если на одной больничной койке, на матрасе в лечебнице для бедных или если под забором, но тоже вместе, – пусть тогда любая, самая жуткая болезнь, пускай сухотка, метастазы, паралич, бубонная чума, пусть какой угодно страшный недуг. Только пускай они умрут вместе. Тогда не страшно. Словно у них одинаковые гены, как у брата и сестры. Вот и незнакомая девчонка тоже существо одной с ним крови, одной породы, одного набора хромосом. Только он здоровенный и взрослый, а она точно такая же, как он, только девчонка. Ради того, чтобы с ней, ничего не страшно. Не жалеть, пускай сто раз безумство и бред, и стыдное – никогда не жалеть во все дни дальнейшей жизни.

Душа изнывает по любви, ёканный бабай!

Какие у неё длинные пальцы на ногах!..

– Тонто!.. – выкрикнула ему в лицо голая девчонка, будто плеснула кислотой. – Тонто! Дурак! Весь кайф обосрал, ублюдок факаный!..

И сплюнула под ноги тягучей пенистой каплей. Развернулась и зашагала прочь на невозможных ногах, точно аист по лугу, наискосок через прогалину или полянку, ступая босиком по колючей траве и сосновым иголкам настолько непринуждённо, словно это были не колючая трава и не иголки. На спине и на ягодицах крест-накрест багровые рубцы от плети. Так и ушла в лес голой, не выбирая дороги и не заботясь, куда ступает. Несколько раз мелькнула среди лесных теней, а после исчезла.

Хуан сидел на корточках в холодке и жевал травинку. Как истинный латиноамериканец, мачо-террорист никуда не торопился и не принимал внешних событий близко к сердцу. Хуана в проводящие выделил амиго профессоре. Допив портвейн в пустом классе поселковой школы, они с Учителем решили, что нечего откладывать дело в долгий ящик и что ему необходимо как можно скорее, лучше всего прямо сегодня встретиться с партизанами, с герильерос. Учитель взялся устроить в том смысле, что и проводят куда надо и встретят там, куда проводят, надлежащим образом. То есть без неуместных в данном случае недоверия и подозрительности. Как своего. Как человека нужного, даром что гринго.

В проводники амиго профессоре выделил ему торчащего под рукой Хуана, проинструктировал того шёпотом в сторонке, и уже битый час они с Хуаном продираются через ельник, скудно разбавленный молодыми осинками – джунгли, блин! – по пути в партизанский лагерь.

Щёлкнул в воздухе пальцами, привычно ловя сигару. Сигара не появилась. Щёлкнул снова, уже нетерпеливо, – сигара снова не появилась. Ещё и ещё раз – тот же результат... Неужто из-за девчонки?

С неба обрушился грохот мотора. Мелькнула тень. Самолёт! Оба они, Хуан и он, разом задрали подбородки. Над верхушками деревьев пронёсся биплан-«кукурузник», кренясь на крыло. За «кукурузником» тянулся шлейф сизого дыма. И тут же раздался вой падающей бомбы. Надсадный вой, памятный по Мадридскому фронту, да и по всяким другим фронтам тоже. Было ужасно обидно. Не только страшно, а ещё и именно обидно. Как же так, столько дел незавершённых, столько всякой веселухи накрывается...

Вой оборвался. Довольно далеко от места, где они оба с Хуаном стояли, в буреломе блеснуло, а после по барабанным перепонкам туго шарахнула взрывная волна. Посыпались сбитые осколками веточки, листики, всякий лесной мелкий мусор. Их с Хуаном не задело. Смерть откладывалась. Бомба упала не в той стороне, куда ушла голая девчонка, а в противоположной – это отметил в первую очередь. Хуан скалился в ухмылке, протирая очки подкладкой

кожаного пиджака. Теперь предстояло как-нибудь выведать, кто такая была голая девчонка, ну, а уж заодно кем был сутенёроподобный тип. При этом и опыт, и интуиция подсказывали, что задавать прямых вопросов ни в коем случае не следует. Наверняка не принято в среде, в которой вращается его проводник, задавать прямые вопросы. А раз не принято, придётся проявить терпение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.